

Борисов С. Н., канд. филос. наук
Белгородский государственный институт искусств и культуры
Римский А. В., аспирант

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

ЭКСТРЕМИЗМ: ЛОКАЛИЗАЦИИ СМЫСЛОВ

SBorisov@bsu.edu.ru

В статье рассматривается проблема понятийной определенности экстремизма в пространстве пересечения правового и политического дискурсов, недостаточность которых в случае с нормированием экстремизма выявляется философией. Предпринятый анализ позволил сделать вывод о принципиальной избыточности экстремизма как объекта и явления, фиксируемого правом и политикой.

Ключевые слова: экстремизм, право, политика, власть, дискурс, исключение.

В конце XX – начале XXI вв. мир столкнулся с ростом экстремизма и терроризма, оказавшись совершенно не подготовленным ни с точки зрения практической борьбы с данными социальными феноменами, ни с позиции их теоретического осмысления. И то и другое опирается на принципиальное затруднение в категоризации экстремизма целым рядом наук, от юриспруденции до философии, что представляет собой актуальную *проблему*. Наш анализ трактовок экстремизма основан на предположении о взаимодополнительности смыслов и определений экстремизма в разных дисциплинах, что определяет общую *цель* по выявлению лагун в определении смыслового поля понятия «экстремизм» на основе сравнительного анализа дискурсов об экстремизме.

Так на сегодняшний день в определении экстремизма преобладают следующие значения: в толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой экстремизм определяется как приверженность крайним взглядам и методам (преимущественно в политике) [1, 787]. Почти также, расширительно, трактует экстремизм В.И. Красиков: «экстремизм... понимается здесь в виде любых аномальных идей и актов поведения тех людей, кто находит свой жизненный смысл в отрицании обычных норм и ценностей» [2, 6].

Правовая характеристика экстремизма и форм его проявления дана в Федеральном законе от 25 июля 2002 года №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» с изменениями и дополнениями, внесенными в него в 2006-2007 гг.

С точки зрения закона, «экстремистская деятельность (экстремизм) – это: насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религи-

озной или языковой принадлежности или отношения к религии; воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения; воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения; пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения; публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения; публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением; организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению; финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг» [3].

Таким образом, в Законе дается в основном правовая и политическая характеристика экстремизма в совокупности определенных взглядов, действий, поступков.

Схожие трактовки существуют и в определении терроризма, что нашло отражение в Федеральном законе РФ «О борьбе с терроризмом», принятом в 1998 г., в котором терроризм определяется как «насилие или угроза его применения в отношении физических лиц или организаций, а также уничтожение (повреждение) или угроза уничтожения (повреждения) имущества и других материальных объектов, создающие опасность

гибели людей, причинение значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, осуществляемые в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения, или оказания воздействия на принятие органами власти решений, выгодных террористам, или удовлетворение их неправомерных имущественных и (или) иных интересов...» [4].

В современной исследовательской литературе можно встретить разные трактовки экстремизма: как одной из форм отчуждения, и, прежде всего, отчуждения от культуры, базовых ценностей, культурных традиций; как крайних взглядов и насильственных действий; как незаконной деятельности, направленной на свержение существующего строя; как характеристики психоэмоциональной структуры человека и состояний индивида; как побочного продукта экстремального (природно-стихийного) развития ситуаций; как превышения пределов допустимого при наличии злого умысла [5].

В свою очередь определения родственных понятий террора и терроризма, возводят рассматриваемую проблему на уровень взаимодействия государства и его политических оппонентов, не рассматривая ни религиозных аспектов явления, ни современных проявлений экстремизма и терроризма, которые характеризуются надгосударственностью и не обусловлены политической борьбой, что затрудняет выявление специфики самого экстремизма как основы терроризма.

Вместе с тем отметим, что среди недостатков данного подхода можно указать, прежде всего, стремление расширительно толковать явление экстремизма, которое охватывает самые разнообразные проявления человеческой деятельности, выходящей за рамки нормативного поведения. В.И. Красиков дает именно такое определение экстремизма: «экстремизм есть действия и идеи, очевидно и решительно нарушающие нормы повседневной жизни, это обоснованные линии поведения, демонстративно конфронтующие с обычными практиками людей...» [2, 16]. А раз так, что экстремизм оказывается имманентен миру и сущностно с ним связан, это некий исходный «код» жизни, его можно назвать даже инновационным, поскольку он выходит за рамки сложившихся форм. Таким образом, экстремизм с позиции такого подхода есть контркультура или культура в период становления и поиска новых форм.

Вместе с тем, существует также понятие экстремального, как выходящего за границы принятого или допустимого. И это понятие охватывает экстремальные виды спорта, в которых спортсмены выходят за границы человеческих возможностей. Но очевидно, что такое поведение не есть экстремизм. Еще один взгляд на проблему экстремизма, сфокусированный институционально и дискурсно, должен нас убедить в преобладающей

локализации высказываний об экстремизме в поле правового и политического дискурсов.

Прежде всего, совокупность высказываний образующих дискурс экстремизма касается преимущественно политико-правовой сферы. Из самой формулировки закона об экстремизме четко следует тот круг объектов, которые локализованы в данном дискурсе, а именно: конституционный строй, Российская Федерация, терроризм, социальная, расовая, национальная, религиозная рознь, права, свободы, законные интересы гражданина, избирательные права, насилие и угроза его совершения и так далее. Круг объектов может быть расширен далее, однако своеобразным родовым признаком будет являться их важность для существования государства, нации, того или иного общества в целом. В этом смысле показательно, что экстремизм это своеобразный предшественник терроризма, почти терроризм. Более всего закон акцентирует тот факт, что экстремизм связан с угрозой насилия или насилием символическим. Однако в этом моменте экстремизм более всего соприкасается с терроризмом до их неразличимости. В других дефинициях экстремизм (как например посягание на неотъемлемые права человека) сближается с иными формами преступлений, не позволяющими выявить специфику самого экстремизма.

Более интересными нам кажутся такие определения как: «возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни», а также «пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии» [3]. Если их рассматривать в совокупности, то отчетливо видна их схожесть. Поскольку возбуждение розни и пропаганда исключительности в своей основе фундированы некоей идеологией исключительности. При этом сама исключительность есть также отличие, отличие как качество, специфичность, что само по себе не ведет к экстремизму. Очевидно, что речь идет об избыточной исключительности, о такой «концентрации» отличий, которые грозят сообществу распадом или, если выразаться более конкретно, насилием. Именно поэтому экстремизм расценивается как его угроза.

Сам характер высказываний носит нормирующий характер, то есть стремится определенным образом освоить, определить указанную избыточность, что свойственно правовому или юридическому дискурсу. Е.А. Кожемякин определяет юридический дискурс как: «... исторически и культурно обусловленную речемыслительную деятельность, а также релевантную ей совокупность письменных и устных текстов, направленных на формулирование норм, правовое закрепление (легитимацию), регулирование и контроль общественных отношений» [6, 213]. Отме-

тим еще раз роль нормирования, регулирования и контроля со стороны юридического дискурса. Однако сам характер отношений с объектами, как мы уже выяснили, носит избыточный характер. Очевиден не вполне нормальный характер охватываемых явлений. Если брать крайние их проявления, как например положение закона: «насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации», - то в нем экстремизм ставит «под удар», посягает на основу права как такового, легитимность. И это также противоречие, заключенное в юридическом дискурсе, но проявляющееся при столкновении с явлением экстремизма. Именно он, подобно катализатору химической реакции, выявляет внутреннюю несамодостаточность или ограниченность юридического дискурса, а именно его необходимую связь с дискурсом политическим, явлениями власти и легитимности, а также насилия.

Приведенный анализ связи юридического дискурса и дискурса правового в первом случае более инструментален, поскольку праву отводится роль проводника политической воли, реализатора его идей и установок. Вторая трактовка более метафизична, где связь права с общественным договором и конвенцией по поводу реализации индивидуальных желаний, позволяет предположить ситуацию экстремизма как выхода из этого «договора». Традиции как источник права в этом случае можно отождествлять с ритуалом, а экстремизм как нарушение этого ритуала либо же отрицание сложившейся системы ритуалов вообще.

Помимо недостаточности как необходимости обусловленности политической, в отношении экстремизма правовой дискурс зависим и в плане такой важной своей цели как описание объектов нормирования. Причем описание это должно соответствовать довольно строгим критериям. В отношении экстремизма это еще более актуально, чем по отношению к иным преступлениям, поскольку характер объектов (избыточных сущностно) нуждается в привлечении различного рода экспертов.

При всей многообразности определений экстремизма в качестве своеобразных «родовых» его атрибутов можно назвать крайний характер действия (экстремистское действие здесь смешивается с экстремальным), подлежащее *исключению*. И именно последнее, по нашему мнению, есть то особенное, что отличает экстремизм от экстрима. Именно исключение, носящее правовой характер, зафиксированное, нуждающееся в правовой определенности или связанное с ней. И вместе с тем, сама процедура правовой фиксации экстремизма также есть проблема, суть ее в неопределенности. Поскольку крайний характер взглядов или идеологии не может служить достаточным основанием, как мы уже выяснили, номинирование дей-

ствий в качестве экстремистских становится довольно проблематичным, но проявляющаяся в этом *неопределенность* может быть важной характеристикой экстремизма как явления.

Таким образом, из исходного утверждения об экстремизме можно вывести такие существенные его черты как исключение и неопределенность. Эти же понятия использует Дж. Агамбен для описания современного состояния политики в своей работе «*Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь*», полагая исключение в качестве фундаментального принципа существования политики, который, впрочем, неизменно скрывается в противостоянии парных категорий внешнего и внутреннего, своих и чужих, правого и левого (политических позиций), интерес к исключению и его актуальность для современной политики по мысли Агамбена обусловлены тем, что тщательно скрываемое исключение из крайней меры становится нормой, тайный механизм политики раскрывает себя в своей последней вариации – биополитике, менеджменте биологической жизнью, управлении телами в противовес политике в традиционном понимании, политике как реализации идей (в античности идеи Блага, начиная с Нового времени ценностей справедливости, свободы и равенства) [7, 16].

Такое положение есть несомненная угроза и актуализация экстремизма есть еще одно подтверждение предположений Дж. Агамбена. Экстремизм как политико-правовое явление рожден XX веком и в полной мере свойственен XXI веку. В определенном смысле избыточность «голой жизни», *bios*, жизнь биологическая есть отправная точка экстремизма. Эта избыточность была диагностирована со всей ясностью еще З. Фрейдом, но с тех пор способы обращения с ней существенно изменились. Говоря словами Ж. Делеза и Ф. Гваттари, произошел переход от принципа кодирования и территориализации этой избыточности к принципу декодирования, открытости избыточности или Желания. Это внутреннее изменение структуры поставило систему права в сложное, противоречивое положение, судя по всему и рождающее экстремизм в его двойственности неопределенности и необходимости исключения.

Среди таких сложностей стремление структуры к определенности и территориализации, выражающееся в том числе в праве как институте нормирования и стандартизации: «... Норма нуждается в усредненной, однородной ситуации. Эта нормальность на самом деле не является просто внешней предпосылкой, которую юрист может игнорировать; напротив, она имеет прямое отношение к имманентной действительности нормы. Не существует норм, применимых к хаосу. Сначала должен быть установлен порядок: только тогда правовая система имеет смысл. Необходимо создать нормальную ситуацию, и суверен – это тот, кто принимает окончательное решение, действи-

тельно ли воцарилось это состояние нормальности...» – тем самым право призвано «поглощать», кодировать избыточность «голой жизни» посредством правовых актов стандартизируя саму жизнь, но, как показывает Агамбен, фундаментом этого предприятия будет его несамодостаточность, основывающаяся на необходимости хаоса (чрезвычайного положения) для существования нормы – «Суверен посредством чрезвычайного положения «создает и гарантирует ситуацию», которая требуется праву для того, чтобы быть действенным» [7, 23-24].

Агамбен делает акцент на внутренней связи права и чрезвычайного положения через обращение к категории чрезвычайного положения как приостановки действия права, чрезвычайного положения как исключения. Здесь нам стоит задуматься о самом исключении и его роли в установлении права, а также о возможном приложении такого понимания исключения к проблеме экстремизма как исключаемой избыточности. Вопрос в том, не есть ли это такое же исключение, не является ли экстремизм своеобразным разоблачением права в его способности положительной дефиниции явлений, его «провалом» в пространство чрезвычайного положения. И если это так, то можно предположить, что экстремизм новая ипостась, современное воплощение чрезвычайного положения, которое одновременно есть основа «нормального» функционирования права.

Тем самым присущая экстремизму неопределенность получает свое объяснение. Его место это граница нормы и хаоса, что действительно так если понимать под нормой преступность (включенность в правовое поле), а под хаосом терроризм (полная исключенность из правового поля и даже более того, отрицание его самого). Экстремизм здесь, в этой схеме, как бы не совсем терроризм, или недо-терроризм, но и не «обычное» преступление. Экстремизм детерриторизирован и потому трудно определим, виной чему отношения права и чрезвычайного положения, но также и избыточность.

Кроме необходимости детерриторизации есть еще необходимость приручения избыточности и здесь чрезвычайное положение или событие экстремизма не является «провалом» или бессилием контроля жизни, но другой ее формой. Исключение здесь оказывается такой формой отношения, при которой целое отторгает от себя часть, подерживая с ней отношения «исключающего включения» (формулировка Дж. Агамбена). То есть экстремизм исключается из нормы (больше чем преступление), но именно это отношение позволяет его квалифицировать, устанавливая связь между сингулярностью акта экстремизма и простым нарушением закона, которое он превышает.

Такая онтология многое объясняет в определениях экстремизма, который есть идеология и действие. Теперь можно сказать о том, что экстремизм есть и то и другое вне их связи.

Таким образом, проблема определения экстремизма выявляет ряд положений:

1. понятие экстремизма тяготеет к правовому и политическому дискурсу;

2. характер номинирования явлений в этих дискурсах в качестве экстремистских позволяет выделить такие характерные черты его аксиоматизации как исключение, неопределенность, избыточность;

3. эти черты позволяют установить параллели между экстремизмом и чрезвычайным положением как приостановкой действия права;

4. действующая в отношении экстремизма логика «исключающего включения» опирается на онтологию отдельности репрезентации и представления, «разрывающей» экстремизм на полярные феномены чистого явления (действия без репрезентации) и чистой репрезентации (без его воплощения в действие). Так во втором случае это идеологические феномены (или акты репрезентации), в первом, терроризм, как воплощение экстремизма, получающее соответствующее дискурсивное «облачение» в институциональных дискурсах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; Под ред. Н. Ю. Шведовой. - 18-е изд., стер. - М.: Рус. яз., 1987. - 795 с.
2. Красиков, В.И. Экстрим: междисциплинарное философское исследование причин, форм и паттернов экстремистского сознания. / В.И. Красиков. – М.: Водолей Publishers, 2006. – 494 с.
3. Федеральный закон №114-ФЗ от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности» // Режим доступа к изд.: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=70162>.
4. «О борьбе с терроризмом». Федеральный закон № 138 ФЗ от 25 июля 1998 г. Ст. 3/ Собрание законодательства РФ. – М., 1998.
5. Томалинцев, В.Н., Козлов, А.А. Введение в социальную экстремологию / В. Н. Томалинцев, А. А. Козлов; С.-Петербург. гос. ун-т, Науч.-исслед. ин-т комплекс. соц. исслед.. - СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005.- 218с.
6. Кожемякин, Е.А. Дискурсивный подход к изучению институциональной культуры: моногр. / Е.А. Кожемякин. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. – 244 с.
7. Агамбен, Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь / Дж. Агамбен – М.: Издательство «Европа», 2011. – 256с.